

(Джен)

—Длинный день, Вест?

—Это дерьмо было ужасным. Сообщи мне хорошие новости, Портман. Каков вердикт?

—Мы возьмем дело Свартхольма.

—...Черт возьми. У нас хотя бы есть на что ориентироваться?

—Пока нет. Первые двадцать четыре часа - самые важные в деле о похищении. Мы должны начать.

—Вы думаете, это было похищение?

—Пока мы ничего не можем исключить.

Спасибо всем звездам на небе и в других мирах за СМС. Нет, серьезно, текстовые сообщения на мобильных телефонах - это бомба. Может быть, это покажется вам очевидным, но возможность говорить тихо и быстро, без всей этой путаницы выражений и эмоций при личной встрече? Иногда это бывает просто замечательно. Более того, все это записывается.

Я провела все утро, прочесывая старые текстовые сообщения одной рукой, пока ела несколько кусочков тоста. Конечно, я все еще помнила (большинство) своих друзей. Я никогда не была такой, как Мэтт, мне вообще-то нравилось общаться с окружающими. Но было полезно сосредоточить свою память на том, что происходит сейчас. Керси переживала свой период —ненависти ко всем мужчинам—, Джен встречалась со Стивом, в которого была влюблена Кари (не то чтобы я ему об этом рассказывала). Группа Митча распадалась из-за какой-то глупой ссоры. Моя лучшая подруга Сара всю ночь и даже сейчас писала мне о каком-то парне, с которым она познакомилась, а Айваллей Силдарей выходила замуж...

Подожди. Это не подходит. Айваллея не училась в моей школе. Во-первых, ей было около восьмидесяти лет. Хотя выглядела она по-прежнему великолепно. Она утверждала, что я красивее, но мы все знали, что это откровенная ложь. Я не могла сравниться с принцессой Сильфа. Я даже не могла сравниться с половиной девочек из моего класса. Жаль, что ей пришлось выйти замуж за такого неряху. Но никто и не говорил, что политические браки - это легко.

Но это уже было не мое дело.

—Привет, Джен— раздался голос моего брата из прихожей.

—Дов?

—Я уйду пораньше. Ты можешь разбудить маму?— Я слышала, как он натягивает ботинки, скрипящие по деревянному полу у двери.

—Хорошо. Что случилось?

—Сказал кое-кому, что сегодня встречу с ними до школы.

—Ооо, у тебя есть девушка?— поддразнила я, все еще пролистывая свои старые сообщения.

—Не твое дело.

—Оу—, надулась я. Я встала и облокотилась на угол, чтобы посмотреть на него. —А ты мне не скажешь, дуралей-хила?

—Нет.

—Ты же знаешь, что это значит, что ты хочешь, да? Ты просто делаешь это очевидным—, - хмыкнула я.

—Если ты так говоришь. А Джен?

—Что?

Мэтт стоял прямо, закутавшись в свою любимую куртку и с рюкзаком, перекинутым через плечо. Он потянулся вперед и обнял меня. Я напряглась, дискомфорт быстро нарастал. Я оттолкнула его, хотя тошнота когтями впилась в мою грудь, побуждая высвободиться из его объятий. Я сознательно напоминала себе, что он просто пытается утешить меня, что он мой брат, что он никогда не обидит меня, что он на моей стороне, но чувства оставались. Не то чтобы я могла когда-нибудь сказать ему об этом.

Я склонилась в его объятиях, неловко обняв его в ответ. Через несколько секунд он отпустил меня, и мое волнение постепенно улеглось.

—Ты ведь знаешь, что я никогда не переставал искать тебя?

—Селну— прошептала я.

Он улыбнулся, но как-то грустно и одиноко. Это настолько точно отражало мои собственные чувства, что я чуть не расплакалась на месте. Впрочем, я очень хорошо научилась скрывать свои эмоции - это важный инструмент моей профессии. Эмоции не приближались к моему лицу. Пока что.

—Помни, - сказал Мэтт своим спокойным и осторожным голосом, - Этолина здесь тоже не существует. Я знаю, что тебе труднее, но придерживайся английского, хорошо?

Я кивнула. Он открыл дверь и вышел на улицу - мир за окном ждал нас обоих, чтобы наконец-то появиться вновь после стольких лет отсутствия. —Не забудь про маму!— - крикнул он, выходя на тротуар и исчезая за границей забора.

Он был прав: мне было труднее. Скажу прямо, я ни в коем случае не обижаюсь на него. Просто после стольких лет английский перестал казаться мне родным. Оказаться в окружении этого теперь уже чужого языка было самым странным ощущением после возвращения в этот мир.

Да, я понимала написанное, слова, сказанные людьми, все, что угодно. В основном, конечно. Но я не говорила на нем почти семь лет. Иногда мне было труднее уловить смысл. Может быть, английский и был моим родным языком, но этолийский был языком моего сердца. И, что еще важнее, моего мозга. Даже сейчас я мысленно переводил эти сообщения на этолийский. Это было просто автоматически.

Нет ничего лучше, чем попасть в место, где никто не только не говорит с тобой на одном языке, но и активно враждует с лингвистами. Это было похоже на худшее из возможных погружений. Или лучшее, я думаю, поскольку я довольно быстро училась. У меня был хороший учитель. Английский язык исчез для меня практически в одночасье и не возвращался очень долго.

Вы бы видели мой первый сеанс устного перевода между Сильвами и послами Кельмана. Вот это было веселье. Впервые за почти шесть лет я заговорила или даже услышала английский язык.

Закончилось все не очень хорошо.

Телефон снова зажужжал, возвращая меня к реальности. Если я не потороплюсь, то могу опоздать. Я поспешила наверх, в мамину комнату, прижалась ухом к двери. Никаких звуков. Наверное, она еще спит. Уф.

Я легонько постучала в дверь костяшками пальцев.

—Мама?

—Нннннн.

Я закатила глаза. —Мам, тебе пора вставать.

—Во сколько?

—Пора завтракать. Давай.— Я почувствовала запах кофе, который начал распространяться по лестнице, и сморщила нос. Я никогда не любила кофе, а сейчас тем более. Он слишком сильно влиял на мою голову. —Я вхожу, хорошо?

Я толкнула дверь, причем с большей силой, чем собиралась. Она широко распахнулась и гулко ударилась о стену. Моя мама извивалась под одеялом, прикрывая рукой глаза от солнечного света, проникавшего в комнату за моей спиной.

—Дженни, дай мне поспать.

Я отмахнулась от раздражения по поводу неправильного имени. Меня называли гораздо хуже. —Мам, если я так сделаю, ты проспишь до работы. Пойдем.

—Что?

Я села рядом с ней и помогла ей сесть. Она тяжело опиралась на мое плечо, моргая от усталости. —Ты опять забыла поставить будильник?— Вопрос прозвучал незаслуженно, но сразу же показался знакомым. Это было странное чувство, как будто я играю в спектакле, который играл сотни раз, но никогда не читала сценария. Я просто знал, что должно произойти дальше, хотя и играла роль, которая обычно предназначалась моему брату.

—Хорошо, - сказала она, наконец-то открыв глаза. —Давай, дай мне хотя бы одеться.

—Не-а. Вставай—. Я взяла ее за плечи и помогла подняться с кровати. Она слегка покачивалась, но быстро успокоилась. Теперь, когда она стояла, вероятность того, что она снова заснет, была гораздо меньше. —Посмотри на это с другой стороны. Сегодня тебе

придется идти только на одну работу, верно?

—...Да.— Она улыбнулась. —Тогда иди. Я встаю.

—Я пойду разогрею тебе завтрак. Если ты хочешь, чтобы он был теплым, тебе лучше поскорее спуститься—. Я спустилась вниз, нашла тарелку, которую приготовил Мэтт, и бросила ее в микроволновку.

Кстати, микроволновки? Довольно круто. Даже если вкус обычно хуже, удобство во многом перевешивает.

Холодильники тоже. Я научилась жить без него, консервировать мясо и жить на земле, но черт возьми, сейчас я не собиралась им пользоваться.

Я услышала, как мама спускается по лестнице, как раз в тот момент, когда пискнула микроволновка. Я вытащила тарелку и поставила ее на стол вместе с серебряными приборами. Я была странно горда тем, что помнила, где находится ящик для столового серебра. Мне стало уютно и тепло внутри. Маленькие успехи складывались, понимаешь? Я чувствовала себя почти как дома, настолько, что забыла, на какой планете нахожусь.

—Veī pol nara susvyļa ta nara bylar, selaval— сказала я, собирая свою посуду и ополаскивая ее в раковине.

—А?— Я подняла глаза и увидела, что моя мама выглядит очень смущенной. Упс. Я мысленно отвесила себе дюжину пощечин. Английский, черт возьми.

—Я просто тренируюсь. Твоя еда на столе—. Я показала жестом, где от ее еды поднимался пар. Меня беспокоило то, что я не могла вспомнить английское название ее блюда. Я мог назвать его по-этолийски (kelbasal, для тех, кто играет дома), но это не очень-то помогло. Я начала наливать ей кофе в кружку, пока она садилась и прихлебывала. Я поставила кружку рядом с ней и чмокнула ее в щеку.

—Я не знала, что ты изучаешь иностранный язык—, - сказала она, взяв в руки газету, которую оставил Мэтт. Теперь, когда я сама занималась политикой на высоком уровне, привычка Мэтта быть в курсе всех событий в мире вдруг показалась мне не такой уж и странной.

—Ну, почему бы и нет? Может быть, пригодится—. К моему несказанному облегчению, она не спросила, на каком языке, а просто вернулась к еде. Я взяла со стола свою сумку и положила на спину. Она была сбалансирована, но не сравнится с колчаном, который я обычно носила на плече. Это был легкий, но удивительно прочный материал, сделанный вручную Тетевалленом Силнанденом к моему двадцать первому дню рождения.

У меня перехватило горло. Сердце заныло от нахлынувших воспоминаний. Я очень скучала по нему.

—Ты в порядке?— Мамин голос пробился сквозь пелену, внезапно опустившуюся на мои глаза. Я посмотрела на нее с улыбкой наготове.

—Конечно— ответила я, на этот раз очень уверенно, по-английски.

—Ты вела себя странно.

—Ты просто устала. Увидимся вечером, хорошо? Мэтт готовит ужин.

Мама очень обрадовалась этому. Мэтт, безусловно, был лучшим поваром в нашей семье, к тому же он сэкономил нам кучу денег. Ему удавалось сделать вкусными даже самые дешевые ингредиенты, и, скрываясь от легионов Целлмана, он нахватался много новых трюков. Я с нетерпением ждала этого похода за продуктами после школы, как бы странно это ни звучало. Это помогло бы мне не только в одном.

—Мне пора идти. Ты в порядке?

—Я в порядке, Дженни. Хорошего дня в школе—. Она слегка помахала мне рукой, а затем вернулась к своему келбасалу.

Я улыбнулась ей своей лучшей улыбкой, затем натянула темное пальто и вышла за дверь.
